

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.18>

Шастина Марина Владимировна

"КИТАЙ ФРАНЦА КАФКИ": ПРИРОДА ПАРАДОКСА

В статье исследуется рецепция Китая немецкоязычным писателем Францем Кафкой (1883-1924), которая прослеживается на разных уровнях - от авторской интерпретации китайской лирики до "копирования" парадоксального компонента в семантическом пространстве художественного текста, порождающего новые смыслы. Литературный парадокс как один из доминирующих принципов поэтики изучается на примере рассказов и писем писателя, в которых фигурирует образ Китая. Произведен анализ средств создания образа Китая Кафкой. Выявлено, что рецепция Китая Кафкой находится в амбивалентном отношении к общепринятому европейскому "китайскому дискурсу" начала XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 81-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. М.: Наука, 1993. 432 с.
2. Мабиногион: легенды средневекового Уэльса. М.: Аграф, 2002. 416 с.
3. Bucke R. M. Cosmic Consciousness: A Study in the Evolution of the Human Mind. Philadelphia: E. P. Dutton and Company, Inc., 1901. 384 p.
4. Herbert G. The Temple & A Priest to the Temple. With an introduction by Edward Thomas. L.: J. M. Dent & Co, 1908. XVII+304 p.
5. Jefferies R. The Hills and the Vale / with an introduction by E. Thomas. L.: Duckworth & Co., 1909. XXXII+316 p.
6. Jefferies R. The Story of My Heart: My Autobiography. L.: Longmans; Green and Co., 1922. XIV+210 p.
7. Keith W. J. The Rural Tradition. Hassocks: The Harvester Press, Ltd., 1975. XIV+312 p.
8. Kirkham M. The Imagination of Edward Thomas. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. XII+225 p.
9. Longley E. Under the Same Moon: Edward Thomas and the English Lyric. L.: Enitharmon Press, 2017. 302 p.
10. Smith S. Edward Thomas. L.: Faber and Faber, 1986. 222 p.
11. Thomas E. A Literary Pilgrim in England. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1917. X+330 p.
12. Thomas E. Cloud Castle and Other Papers / with a foreword of W. H. Hudson. L.: Duckworth & Co, 1922. VIII+200 p.
13. Thomas E. In Pursuit of Spring. L.: Thomas Nelson and Sons, 1914. 301 p.
14. Thomas E. Light and Twilight. L.: Duckworth & Co., 1911. VIII+192 p.
15. Thomas E. Maurice Maeterlinck. Second edition. L.: Methuen & Co., Ltd., 1911. XIV+334 p.
16. Thomas E. Richard Jefferies: His Life and Work. Boston: Little, Brown & Company, 1909. XII+344 p.
17. Thomas E. The Annotated Collected Poems / ed. by E. Longley. Tarsset: Bloodaxe Books, 2013. 332 p.
18. Thomas E. The Country. L.: B. T. Batsford, 1913. 60 p.
19. Thomas E. The South Country. L.: J. M. Dent & Co, 1909. XII+280 p.
20. Thomas R. G. Edward Thomas: A Portrait. Oxford: Oxford University Press, 1987. XII+332 p.
21. Traherne T. Centuries of Meditations. L.: Bertram Dobell, 1908. XXX+342 p.
22. Traherne's Poems of Felicity / ed. by H. I. Bell. L.: Clarendon Press, 1910. XLIV+152 p.

“HEAVENLY BEAUTY OF EARTHLY THINGS”: EDWARD THOMAS AND MYSTICISM OF NATURE

Talyzina Elena Viktorovna
Samara State Technical University
elanor68@mail.ru

The article deals with the study of the works of the British writer of the early XX century Edward Thomas, who paid considerable attention to the themes of nature and its perception by a man in his works. The author shows that Thomas, being far from religiosity, saw the only source of the “transcendent” in nature, although he was sceptical about the received “revelations”. However, he valued mystical attitude to nature in his predecessors’ works and even found something acceptable for contemporary consciousness among the mystic writers of the XVII century. His worldview was expressed most fully in poetry, to which he turned in the last two years of his life.

Key words and phrases: Edward Thomas; English literature of the early XX century; literature about nature; mysticism of nature; “cosmic consciousness”; Richard Jefferies.

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 09.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.18>

В статье исследуется рецепция Китая немецкоязычным писателем Францем Кафкой (1883-1924), которая прослеживается на разных уровнях – от авторской интерпретации китайской лирики до «копирования» парадоксального компонента в семантическом пространстве художественного текста, порождающего новые смыслы. Литературный парадокс как один из доминирующих принципов поэтики изучается на примере рассказов и писем писателя, в которых фигурирует образ Китая. Произведен анализ средств создания образа Китая Кафкой. Выявлено, что рецепция Китая Кафкой находится в амбивалентном отношении к общепринятому европейскому «китайскому дискурсу» начала XX века.

Ключевые слова и фразы: Китай; Кафка; литературный парадокс; китайский дискурс; поэтика.

Шастина Марина Владимировна

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
shastina@rambler.ru

«КИТАЙ ФРАНЦА КАФКИ»: ПРИРОДА ПАРАДОКСА

Франц Кафка (Franz Kafka, 1883-1924) – уникальный автор, профетически увидевший в XX веке все то, что до сих пор «не отпускает» людей искусства во всем мире, все его катаклизмы, связанные не только и не столько с тоталитарными режимами, но в большей степени с сущностью человеческой природы, подверженной разного рода трансформациям. Уникальность Кафки в его универсальности, поскольку, о чем бы он

ни писал, он всегда ведет речь о самом главном – о бытийном. Кафка, являясь человеком своего времени, одновременно вне времени. Он – мастер парадокса, парадоксальный взгляд на мир позволяет считать его тексты «открытыми произведениями» – открытыми в своей «неоднозначности» [14, с. 38], которые каждый читатель вправе прочитать по-своему, потому что на смену миру, упорядоченному в соответствии с общепризнанными законами, приходит особый кафкианский мир (*kafkaesk*), произведения Кафки «представляют собой потрясающие примеры аллегии, символа, мистической выдумки» [2, с. 60]. **Актуальность** настоящего исследования продиктована, с одной стороны, неослабевающим интересом ученых во всем мире к творчеству Кафки – ключевой фигуре в литературе XX века, с другой стороны, необходимостью осмысления механизмов рецепции инокультурного текста на новом литературном материале. **Научная новизна** исследования обусловлена выбранным ракурсом изучения своеобразия поэтики Кафки; «китайские тексты» прозаика ранее не изучались в отечественном литературоведении в контексте литературного парадокса.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание к проблеме рецепции Китая в творчестве Кафки, связав этот процесс с природой литературного парадокса, который, как показывают наблюдения над художественным текстом, может проявляться на разных его уровнях. Парадокс как «средство смыслообразования в художественном тексте» [7] предполагает наличие глубинного смысла, раскрываемого лишь в процессе интерпретации, которая, являясь результатом рефлексивного анализа текста, свидетельствует о понимании текста. В соответствии с целью были сформулированы следующие **задачи**: проследить влияние европейского «китайского дискурса» на кафковскую рецепцию Китая; выявить основные характеристики литературного парадокса; проанализировать на конкретном литературном материале – рассказах и письмах Кафки, имеющих отсылки к Китаю, – возникновение «новых смыслов».

По мнению В. Шмида, парадокс содержит некое противоречие (между двумя сторонами бытия или двумя точками зрения), замедляет понимание, приводит воспринимающего в напряжение, вызывает усиление мышления и в итоге ведет к обнаружению скрытой истины, которая показывает ее иллюзорность [13, с. 9]. На сегодняшний день в литературоведении назрела потребность «в современном осмыслении литературного парадокса, что позволило бы выявлять его на всех уровнях художественного текста и отграничивать от других, сходных с ним художественных приемов» [9].

Франц Кафка, по мнению В. Д. Седельника, «лакомый кусок для легиона истолкователей», стремящихся оставить след в кафковедении, «однако новизна и неоднозначность его прозы нередко ставят интерпретаторов в тупик» [8, с. 281]. Сходной точки зрения придерживается В. Беньямин, который предостерегает читателя от намерения «подвести под книги Кафки какую-либо религиозно-философскую схему», что сделать несложно, поскольку «такое решение само собой напрашивается», но именно такой подход «уводит нас очень далеко от мира Кафки» [1, с. 50].

Можно предположить, что невозможность однозначного восприятия мировидения Кафки заключена в том, что одним из способов организации его текстов выступает литературный парадокс, основанный на противоречии общепризнанному – «общему мнению, стереотипу или намеренно созданному ожиданию» [9].

Рецепция Китая в творчестве Кафки не является в этом смысле исключением, поскольку попытки «вписать» Кафку в европейский «китайский дискурс» первой половины XX века, когда увлечение Поднебесной было не просто модой на все китайское, а скорее желанием Старого света «найти себя» в восточной философии – даосизме и конфуцианстве, априори не являются достаточными для осмысления его «китайских текстов» (*China-Komplex*) [17; 18].

На сегодняшний день справедливо утверждение, что «китайский аспект» в творчестве Кафки интенсивно исследуется в зарубежном литературоведении [16; 19; 21; 25], подтверждением этому является инициированная Немецким обществом Кафки (*die Deutsche Kafka-Gesellschaft*) научная конференция (“*Kafkas China. Kulturwissenschaftliche Lektüren*”), которая состоялась в 2016 году в Германии (г. Эрланген) [23]. Данное событие явилось важным этапом в изучении «Китаю Кафки». В отечественной науке лишь делаются первые шаги в данном направлении, настоящая статья продолжает начатый ранее разговор о «китайских мотивах» в творчестве Кафки [11; 12].

Кафка написал сравнительно небольшое количество произведений, в первую очередь, рассказов, в которых имеется прямая отсылка к Китаю. Упоминания о Китае также можно встретить в рабочих тетрадах писателя (Тетради ин-октаво), представляющих собой дневниковые записи, короткие зарисовки-эскизы к будущим произведениям, в которых Кафка, в частности, размышляет об институте власти в Китае, об отношении императора к подданным (*Oktavheft C*) [5]. Подробно эта тема освещается в рассказах: «Как строилась Китайская стена» (“*Beim Bau der Chinesischen Mauer*”, 1917), «Императорское послание» (“*Eine kaiserliche Botschaft*”, 1919), «Старинная грамота» (“*Ein altes Blatt*”, 1917) [22]. Тематически близкими представляются рассказы, опубликованные в 1920 году, – «Отклоненное ходатайство» (“*Die Abweisung*”), «К вопросу о законах» (“*Zur Frage der Gesetze*”), «Набор рекрутов» (“*Gruppenaushebung*”), – в которых представлена бюрократическая система, использующая ритуалы власти, возведенные обществом в ранг непоколебимых устоев.

В эпистолярном наследии Кафки также присутствует образ Китая, в частности, в письмах к Фелиции Бауэр. Для Кафки образ склоненного над столом при свете ночной лампы ученого мужа из стихотворения китайского поэта по имени Ян-Дзен-Цай (1716-1797) становится единственно верным способом существования для художника, нуждающегося в уединении [6, с. 85-89], этим может быть объяснена настойчивая попытка Кафки «считать себя» китайцем – «будь я китайцем, которому уже пора уезжать домой (а в сущности я ведь и есть китаец и еду домой)» [Там же, с. 569].

Закономерен вопрос, насколько «Китай Кафки» может быть соотнесен с реальной Поднебесной – с географическим пространством, с институтом власти в лице императора, с китайской философией и т.д.

Естественно, что при ответе на эти и другие вопросы следует учитывать «китайский дискурс», который присутствует в сознании европейцев с XVIII века, включая всё – от массовой увлеченности экзотикой Востока до зримых аналогий с политическими событиями, позволившими, например, сравнивать Австро-Венгрию начала века с Китаем, поскольку на обеих империях лежала печать распада, в обоих случаях речь шла о кризисе власти. Очевидно, что для Кафки исторический контекст – лишь одна из возможностей создания образа Китая, хотя и очень существенная. Можно быть уверенным, что *его* Китай – в большей степени продукт *его* воображения, суть *его* парадоксального художественного мира, в котором могут быть обнаружены дополнительные смыслы, когда «дело уже не в форме, а в тоне», о чем, в частности, пишет Х. Л. Борхес, когда называет предшественников Кафки, среди которых автор притчи о носороге (Хань Юй) [3].

С. Кауль также указывает на «идентичность» отдельных афористических по форме и содержанию произведений Кафки, например, рассказа «Правда о Санчо Пансе» (“Die Wahrheit über Sancho Pansa”) [24] и фрагмента из книги «Чжуан-цзы», в котором китайский философ, предположительно IV века до н.э., рассказывает сон о превращении в бабочку, натолкнувший мудреца на мысль, кто он – философ, которому приснилось, что он бабочка, или он бабочка, возмнившая себя философом [10]. Санчо Панса, сопровождавший Дон Кихота во всех его странствиях, согласно Кафке, отвлекает «от себя своего беса», в результате Дон Кихот совершает «безумнейшие поступки», не причиняя никому вреда [24]. Кафка «переворачивает» историю о Печальном рыцаре, расставляя собственные акценты, которые ломают привычные взгляды на образы классической литературы.

Естественно, что главным аргументом в пользу существования «Китая Кафки» у большинства исследователей является рассказ «Как строилась Китайская стена» [4], поскольку уже в заглавии присутствует артефакт мирового значения. Название рассказа указывает на процесс возведения Великой китайской стены – главной достопримечательности Поднебесной. Небольшое по объему произведение допускает самые различные толкования, которые остаются за рамками данной статьи [15; 20; 26].

Если предположить, что речь действительно идет о строительстве Китайской стены, то возникает масса уточняющих вопросов, на которые вряд ли можно найти однозначный ответ, поскольку и здесь Китай – некая условность, необходимая автору для того, чтобы выразить свое отношение к бесконечности, фрагментарности мира, к абсурдности бытия. Речь идет о смешении вымысла с историей, что, как известно, является основой метафизического текста, неотъемлемой составляющей которого выступает парадокс, поскольку «столкновение» исторического материала с авторскими фантазиями, как правило, парадоксально.

«Китай Кафки» – страна без конца и края: «Так обширна наша страна, что никакой сказке не охватить ее, едва удастся небу дотянуться от края до края, и Пекин на ней – только точка, а дворец императора – только точка» [4, с. 16-17]. Китай становится мифической реальностью, которая далека от действительности, скорее это предпринятая попытка «литературной (ре)конструкции Китая» (“eine literarische (Re) Konstruktion des historischen China”) [24]. В самом общем смысле это притча о возведении Великого сооружения – подобного Вавилонской башне, тем более что последняя также упоминается в повествовании как некий артефакт, не доживший до современности из-за плохого фундамента, поэтому «Великая стена впервые в истории человечества явится прочным фундаментом для новой Вавилонской башни» [4, с. 10]. Оба сооружения противопоставляются друг другу «в смысле их угодности Богу – по крайней мере по человеческому разумению» [Там же]. Наличествующее противоречие указывает на авторское восприятие, которое создает парадоксально маркированную ситуацию – Китайская стена, возводимая на благо человека, угодна Богу, но при этом призвана стать фундаментом для Вавилонской башни, ставшей символом непослушания Богу. Кроме того, Китайская стена должна защищать страну от внешних врагов, страх перед которыми подогревается бесконечными слухами об их жестокости. Рассказчик, принимавший участие в великой стройке, задается вопросом: «От кого должна была Великая стена служить защитой? От северных народов. <...> Видеть их мы не видели и, живя в своей деревне, никогда и не увидим, даже если они на своих диких конях, разъярясь, будут мчаться на нас, – настолько обширна наша страна, что она их к нам не подпустит, они просто растают в воздухе» [Там же, с. 14]. Ответ на вопрос свидетельствует о парадоксальной развязке, поскольку выясняется, что никто не ведал об истинной причине возведения стены: «И тут ни при чем северные народы, вообразившие, что они всему виной, и ни при чем достойный император, вообразивший, что это он приказал построить стену» [Там же, с. 15]. Потенциальные враги «достойного императора» и всего Китая – кочевники с севера, на равных участвуют в создании «воображаемой реальности», подобно той, что повествует о философе и бабочке.

Китайская стена строится фрагментами – небольшими частями, которые смыкаются в единое целое, побуждая участников великой стройки осознать единство народа, его фанатичную веру в непоколебимость власти, демонстрирующей величие императора и ничтожность человеческой жизни. Принцип строительства стены по частям обнаруживает сходство с фрагментарностью повествования Кафки. Эмоциональные отступления рассказчика одновременно приближают и отдаляют читателя от описываемых событий, поскольку не до конца понятна позиция участника, его рассуждения также фрагментарны в своей незавершенности. В результате возникает ощущение парадокса. В частности, когда речь идет о целесообразности строительства по частям, которая, по мнению рассказчика, вряд ли целесообразна: «Это было лишь временной мерой, и притом нецелесообразной. Тогда напрашивается и другой вывод: значит, руководители стремились к чему-то нецелесообразному. Странный вывод!» [Там же, с. 12]. Странность вывода усиливается, поскольку речь идет об императорской власти – «одном из самых непонятных установлений» [Там же, с. 15], несмотря на то, что «императорская власть как понятие бессмертна» [Там же, с. 17]. В бескрайней стране мало кто имеет истинное представление об императоре, о том, жив ли он или нет, поэтому с «безнадежностью и надеждой взирал наш народ на императора» [Там же]. Рассуждения Кафки о власти китайского императора наполнены иронией, умирающий

император несет весть своему народу, которая долгим эхом распространяется по бескрайним просторам страны, обрастая легендами: «Ты же, сидя у своего окна, воображаешь себе эту весть, когда приходит вечер» [Там же]. Парадоксальное восприятие реальности представлено метафорой, которая порождает в художественном тексте новый смысл. Народ не представляет, какой император стоит у власти, давно умершие властители возводятся на престол, простые люди далеки от государственных переворотов и современных войн.

Осмысление литературного парадокса на примере рецепции Кафкой Китая позволяет, с одной стороны, углубиться в творчество одного из загадочнейших авторов XX века, с другой стороны, в очередной раз убедиться в амбивалентности восприятия европейским сознанием экзотики Востока. Парадокс Кафки в том, что он не столько указывает на противоречия действительности, сколько на взаимоисключающие суждения относительно этой действительности. Создается впечатление, что за словами очевидца Китайской стены стоит сам автор, когда утверждает: «Границы, поставленные мне моим мышлением, достаточно тесны, а область, которую пришлось бы охватить, – сама бесконечность» [Там же, с. 13]. Парадоксальность мысли заключена в том, что «ограничить бесконечность» также не представляется возможным, как невозможно «объять необъятное».

При чтении текстов Кафки, имеющих отсылки к Китаю, возникает двойственное чувство, которое порождает появление «нового» смысла, который, в свою очередь, становится источником некой скрытой истины, объединяющей противоположные точки зрения. Привлечение к исследованию инокультурной рецепции литературного парадокса представляется перспективным, поскольку позволяет по-новому взглянуть на творческий процесс, выявить скрытую авторскую интенцию.

Список источников

1. **Беньямин В.** Франц Кафка. М.: Ad Marginem Press, 2013. 240 с.
2. **Бланшо М.** От Кафки к Кафке / пер. с фр. и послесл. Д. Кротовой. М.: Логос, 1998. 240 с.
3. **Борхес Х. Л.** Кафка и его предшественники [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.net/books/borhes_horheluis/kafka_i_ego_predshestvenniki/read_1/ (дата обращения: 05.02.2019).
4. **Кафка Ф.** Как строилась Китайская стена / пер. с нем. В. Станевич, Е. Маркович. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 224 с.
5. **Кафка Ф.** Неизвестный Кафка [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/46867-franc-kafka-neizvestnyj-kafka.html> (дата обращения: 05.02.2019).
6. **Кафка Ф.** Письма к Фелиции и другая корреспонденция 1912-1917 / сост., вступ. ст., пер. с нем. и прим. М. Рудницкого. М.: Ad Marginem Press, 2014. 669 с.
7. **Пигаркина Е. А.** Парадокс как средство смыслообразования в художественном тексте (на материале произведений О. Уайльда): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2017. 23 с.
8. **Седельник В. Д.** Франц Кафка // История австрийской литературы XX века: в 2-х т. / отв. ред. В. Д. Седельник. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. Т. 1. Конец XIX – середина XX века. С. 280-309.
9. **Федосеева Т. В., Ершова Г. И.** К вопросу о литературном парадоксе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-literaturnom-paradokse> (дата обращения: 07.10.2018).
10. **Чжуан Цзы.** Внутренний раздел [Электронный ресурс] / пер. В. В. Малявина. URL: http://lib.ru/POECHIN/ch_tzh.txt (дата обращения: 27.02.2019).
11. **Шастина М. В.** «Китайский аспект» в творчестве Франца Кафки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. 2. С. 195-197.
12. **Шастина М. В.** Франц Кафка и Китай // Научный диалог. 2017. № 2. С. 148-159.
13. **Шмид В.** Заметки о парадоксе // Парадоксы русской литературы: сб. ст. / под ред. В. Марковича, В. Шмида. СПб.: ИНАПРЕСС, 2001. Вып. 3. С. 9-16.
14. **Эко У.** Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004. 384 с.
15. **Bennig W., Petropoulou E.** Vier Achsen für die Interpretation von Franz Kafkas Fragment Beim Bau der Chinesischen Mauer // Neophilologus. 2012. Vol. 96. Iss. 4. P. 583-592.
16. **China in der deutschen Literatur 1827-1988** [Электронный ресурс] / hrsg. von U. Japp, A. Jiang. URL: <https://www.peterlang.com/view/9783653020441/9783653020441.00008.xml> (дата обращения: 10.03.2019).
17. **Engel M.** Entwürfe symbolischer Weltordnungen: China und China Revisited. Zum China-Komplex in Kafkas Werk 1917-1920 // Kafka, Prag und der Erste Weltkrieg / hrsg. von M. Engel, R. Robertson. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2012. S. 221-236.
18. **Engel M.** Kafka und die moderne Welt // Kafka-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / hrsg. von M. Engel, B. Auerochs. Stuttgart – Weimar: Verlag Metzler, 2010. S. 498-515.
19. **Fang W.** Das Chinabild in der deutschen Literatur, 1871-1933. Ein Beitrag zur komparatistischen Imagologie. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1992. 433 S.
20. **Honold A.** Kafkas vergleichende Völkerkunde: “Beim Bau der Chinesischen Mauer” // (Post-)Kolonialismus und Deutsche Literatur. Impulse der angloamerikanischen Literatur- und Kulturtheorie / hrsg. von A. Dunkler. Bielefeld: Aisthesis, 2005. S. 202-218.
21. **Hsia A.** Chinabilder in der europäischen Literatur. Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann, 2010. 180 S.
22. **Kafka F.** Die Erzählungen und andere ausgewählte Prosa / hrsg. von R. Hermes. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 2015. 576 S.
23. **Kafkas China. Forschungen der Deutschen Kafka-Gesellschaft** / hrsg. von K. Jobst, H. Neumeyer. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2017. Bd. 5. 278 S.
24. **Kaul S.** Kafkas China [Электронный ресурс]. URL: http://convivium.edu.pl/assets/15-kaul_2015.pdf (дата обращения: 27.02.2019).
25. **Meng W.** Kafka und China. München: Iudicium-Verlag, 1986. 288 S.
26. **Nakazawa H.** Über die Chinesische Mauer // Chinesisch-japanisches Germanistentreffen Beijing 1990. Dokumentation der Tagungsbeiträge. Beijing: International Culture Publishing Corporation, 1994. S. 77-95.

“FRANZ KAFKA’S CHINA”: NATURE OF PARADOX**Shastina Marina Vladimirovna***Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
shastina@rambler.ru*

The article studies the reception of China by the German-speaking writer Franz Kafka (1883-1924), which can be traced at different levels – from the author’s interpretation of the Chinese lyrics to “copying” the paradoxical component in the semantic space of a literary text that generates new meanings. Literary paradox as one of the dominant principles of poetics is studied by the example of the writer’s stories and letters, in which the image of China appears. The study analyses the devices that Kafka uses to create the image of China. It is revealed that Kafka’s reception of China is in ambivalent relation to the generally accepted European “Chinese discourse” of the early XX century.

Key words and phrases: China; Kafka; literary paradox; Chinese discourse; poetics.

УДК 8; 8:82.01

Дата поступления рукописи: 14.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.19>

Статья рассматривает особенности развития английской детской литературы времен британского колониализма в преломлении к творчеству выдающейся англо-американской писательницы Фрэнсис Ходжсон Бернетт. В России ее произведения до сих пор не исследовались с точки зрения имперских взглядов на мироустройство. Автор акцентирует внимание на эволюции образов детей в ее самом известном романе «Маленькая принцесса» и повести «Заповедный сад». Данная работа позволит подробнее изучить некоторые гендерные аспекты английской детской литературы и проанализировать степень их влияния на общественное мнение Англии времен викторианства и эдвардианства.

Ключевые слова и фразы: детская литература; британский колониализм; Фрэнсис Ходжсон Бернетт; «Маленькая принцесса»; «Заповедный сад»; викторианство.

Шишкова Ирина Алексеевна, д. филол. н., профессор
*Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва
ishishkova@yandex.ru*

**ФРЭНСИС ХОДЖСОН БЕРНЕТТ И ОТБЛЕСКИ БРИТАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА
НА СТРАНИЦАХ ДЕТСКИХ КНИГ**

В век инновационных технологий не ослабевает интерес исследователей к «золотому веку» английской детской литературы. По мнению Перри Нодельмана (Perry Nodelman), художественные произведения для детей писались взрослыми, которые хотели представить в них «другое» идеальное детство, отличное от своего собственного, или реализовать свои неосуществленные желания и политические амбиции [11, p. 32].

Как и в настоящее время, большинство художественных произведений для взрослых отражали рефлексию протагонистов, обусловленную политическими и социокультурными особенностями определенных исторических периодов, но в книгах для детей при описании тех же отрезков времени акцент делался на иных составляющих: коде поведения в семье и обществе, духовно-нравственном воспитании, необходимости получения образования и т.д.

Американская исследовательница детской литературы М. Д. Кутцер (M. D. Kutzer) отмечала, что художественные произведения для взрослых часто ставили под сомнение справедливость существующего социального строя с его политическими и культурными приоритетами, в то время как авторы детских повестей старались избегать критики современного мироустройства. Сюжеты многих детских книг, особенно в конце XIX в., несмотря на часто содержащиеся в них печальные события, изобиловали счастливыми моментами и легко разрешимыми проблемами. Тот придуманный взрослыми райский мир имел мало общего с реальной жизнью детей и давал читателям представление о детстве как о некоем идеальном королевстве, в котором, несмотря на серьезные испытания, взрослые всегда стремились защитить своих чад от бед и пробудить в них веру в идеалы. Детская художественная литература старалась обеспечить целевой читательской аудитории привлекательное воображаемое пространство, свободное от социальных и культурных потрясений. Как вымышленные, так и основанные на реальных фактах тексты помогали интегрировать юных читателей в социум и прививали им соответствующие нормы поведения [10, p. 16].

В этом смысле английская детская художественная литература была консервативнее взрослой: она демонстрировала приверженность к сохранению веками существующих традиций прошлого и не готовила детей к реальному будущему. Например, в 1924 году Э. М. Форстер (Edward Morgan Forster, 1879-1970) в своем известном романе «Путешествие в Индию» (“The Path to India”) описывал серьезные неудачи британцев в Индии, но детские книги того периода по-прежнему призывали юных читателей жить по старым имперским правилам и по умолчанию восхищаться «прогрессивной» миссией колонизаторов.